

го» и «сложного» композитора. Помню, на встрече со студентами Куйбышевского университета вы говорили о том, что есть сложности исполнительские. Но они относятся к внутренним проблемам, которые не должны касаться слушателей. Что бы вы ответили на такую полемическую мысль: неподготовленному слушателю не понять симфонии Малера, Шостаковича или Бартока. Лучше начать его эстетическое воспитание, например, с

исполнители. Худший вид ремесленничества от музыки — это создание звуковых конструкций, не одухотворенных образом, мыслью.

Мы не можем руководствоваться в подборе репертуара тем, простые или легкие гармонические последовательности использует композитор. Но всегда должны исходить из того, насколько эта музыка современна в самом высоком смысле слова. Насколько композитор, пусть даже творивший в прошлом, отве-

дентен, вряд ли сегодня в мире есть хотя бы пять дирижеров, способных исполнить все симфонии Малера. Но правомерно ли утверждение о современности Малера?

— Намеренно отбросив некоторые детали, я скажу, что Малер очень важен и интересен для нас именно под углом зрения нравственной позиции, задачи духовного воспитания нашего слушателя. Это был дирижер, которого Чайковский назвал «гениальнейшим», автор грандиозных симфонических полотен — «великих», по определению Шостаковича. Но между тем малеровские произведения почти не исполняются. Вихри малеровских финалов, его презрительная ирония по отношению ко всему пошлому трактовались иногда как картины гибели мира, вселенская катастрофа. А этого нет, я убежден. Малер создает в музыке убийственный портрет обывателя, мещанина. И при этом он остается гуманистом, который верит в человека, чувствует себя ответственным за будущее людей. Его в отряд «пораженцев человеческой культуры» зачислить нельзя. Он как бы предупреждает всех нас об опасности пошлого, безыдейного существования. В этом он глубоко родствен творчеству Достоевского, романы которого Малер так любил, что писал в письме к одному музыканту: «Читайте Достоевского! Это важнее, чем контрапункт».

— Прозвучавшие в этом сезоне симфонии Малера прошли с большим успехом. Не забыть тот удивительный концерт, в котором были исполнены Десятая симфония Малера и Третий фортепианный концерт Чайковского, сыгранный М. Плетневым. К этому вечеру можно отнести слова Антона Рубинштейна: «Воспроизведение — второе рождение». По моему мнению, вы абсолютно по-новому трактовали малеровские сочинения. Глубокая идейная наполненность интерпретаций как бы раздвигает границы того, что может музыка.

Вспоминаются многие произведения советских композиторов в исполнении нашего оркестра. Были исполнены почти все симфонии Шостаковича. Потрясли слушателей «симфонии о войне» — седьмая Шостаковича и вторая Хренникова. Звуча-

ла свежая, страстная музыка многих произведений Щедрина, Слонимского, К. Хачатуряна, Николаева, Эшпая... Но это, по сути дела, классика советского искусства. А чем для вас привлекательны только что написанные произведения со всеми их открытиями, а подчас и перекрестами. Некоторые из них впервые в стране звучали на фестивале «Композитор и фольклор». Или сочинения с использованием современных бит — и рок-составов...

— Слушателей, особенно молодых, очень привлекает музыка спорная, дискуссионная. Я вспоминаю, что на упоминавшейся уже встрече со студентами университета...

— Геннадий Пантелеймонович, нашим читателям здесь, наверное, следует сообщить, что речь идет об одной из многих, но несколько необычной встрече со слушателями. Эта встреча была примечательна тем, что дирижер в качестве оратора два часа, что называется, «держал» очень беспокойную студенческую аудиторию, рассказывая о самых сложных проблемах музыкального искусства, и был засыпан вопросами...

— Это лишь свидетельство того интеллектуального уровня, который отличает наших слушателей.

— Так вот, один из студентов, если вы помните, сказал: «Классику мы плохо знаем, но это все равно пройденный этап. Наш непройденно-пройденный этап. Мы хотели бы как можно больше слушать в исполнении оркестра самую современную, пусть и спорную музыку».

— Конечно, в этом высказывании есть много юношеского максимализма, чего стоит одно противопоставление классики и современной музыки. Но, я думаю, что если такие студенты придут к нам два-три раза, привлеченные каким-то необычным названием в афише, а к тому же послушают в концерте Чайковского, Шостаковича или Малера, то они заинтересуются, станут постоянными слушателями симфонических концертов. Включение в программы каких-то необычных произведений — это тоже способ вести слушателей за собой.

— Тем более, что в программах оркестра всегда — высокохудожественная музыка, как, например, прошедшая недавно премьера рок-симфонии Калынина.

— Это удивительно зрелое произведение. Молодежная аудитория, которая присутствовала на концерте, услышала вовсе не образец рока прошлого свойства, а как бы его истоки, прообразы в древнем африканском искусстве. Они мастерски включены в ткань остро современного симфонического произведения.

Кстати, мы с удовольствием сотрудничаем с учебными и любительскими хорами: с хором музыкально-педагогического факультета Куйбышевского пединститута, которым руководит В. Ощепков, например. А в один вечер с Калыниным хор Дома молодежи под управлением Т. Краюшкиной исполнил произведение Гершвина.

В целом, в отношении контактов со слушателями, надо, я думаю, сказать следующее. Нельзя закрывать глаза на музыкальные интересы слушателей, но нельзя и потакать пошлым вкусам, мнению, что музыка — это всего лишь набор приятных для слуха звуков. Нужно вести за собой слушателей и воспитывать их. Это наш гражданский и художественный долг.

— Если уж заговорили о контактах с публикой, которые сейчас осложнены из-за отсутствия у оркестра своего зала, то вот еще одна немаловажная проблема. Много нареканий слушателей возникает из-за несвоевременно появившихся афиш, которые иногда несвоевременно извещают об очень интересном концерте. Порой даже не указано место проведения концерта. Очень хотелось бы не только слышать на концерте вступительное слово, но и иметь программку с аннотацией к исполняемым произведениям.

Симфонические концерты нашей филармонии в последние годы — это подлинные университеты культуры. Жаль, что они страдают иногда от чисто организационных недочетов.

— Увы, об этом очень сожалеем и мы, музыканты. Жаль, когда огромная творческая работа распыляется. И — не по нашей вине.

Беседу вел

Ел. БУРЛИНА.

На снимке: за дирижерским пультом народный артист РСФСР Г. П. Проваторов.

Фото Б. Ананьева.

И МАСТЕРСТВО, И ВДОХНОВЕНЬЕ

Нынешний год в биографии симфонического оркестра Куйбышевской филармонии особенно знаменателен: коллектив отмечает свое сорокалетие. И десять лет руководит им главный дирижер Геннадий Пантелеймонович Проваторов. Недавно ему присвоено звание народного артиста РСФСР. Сейчас дирижер активно участвует в концертах XVI Ленинского музыкального фестиваля.

Беседу нашего корреспондента с Г. П. Проваторовым мы и предлагаем вниманию читателей.

— Сердечно поздравляем вас от имени куйбышевских слушателей с присвоением почетного звания. Куйбышцы гордятся и большим количеством дисков, которые выпустила по вашим записям Всесоюзная фирма «Мелодия», и успехом ваших гастролей у нас в стране и за рубежом. Но все же главное поле деятельности для вас — работа с куйбышевским оркестром. Хотелось бы, чтобы вы рассказали прежде всего об этом: о художественной программе оркестра, о своих творческих целях и привязанностях.

— Благодарю за поздравления. Передаю свою признательность всем, кто откликнулся добрыми словами на присвоение мне звания народного артиста РСФСР, всем, кто ходит на наши концерты.

— В своих выступлениях вы не раз подчеркивали: для слушателей нет сложных и простых симфонических произведений. Ветховен — не проще для восприятия, чем Брукнер. Тем более странно противопоставлять Чайковского и Малера, как «легко-

балетной музыки Глазунова. А потом, когда слушатель дорастет, тогда...

— Мне такой подход представляется глубоко неверным, хотя я ничего не имею против великолепной музыки Глазунова. Но этот подход унижает достоинство некоторых произведений классики, которые заведомо объявляются какими-то неполноценными. А кроме того, он неверен и для слушателей.

Мы рассчитываем на самую обыкновенную, специально не подготовленную публику. Это люди, которые, возможно, именно на нашем концерте впервые услышат симфонии Чайковского, Малера или Шостаковича. Но они наши современники — рабочие, инженеры, студенты, — пытливые вменяющиеся в сегодняшнюю действительность. Откройте для них музыку не просто как красивые звучания, а как драмы идей и мыслей, и они не смогут не откликнуться. Я в это глубоко верю и на том стою.

Бывает и так: слушателю скучно, или он что-то, как ему кажется, не понимает, а виноват в этом не он, а

чаем духовным веяниям, нравственным требованиям сегодняшнего дня.

Не воля случая, не потребность выступить с чем-то еще не игнорным приводит в наши программы произведения Шостаковича, Хренникова, Щедрина, Малера, Брукнера, а уверенность, что эти композиторы необходимы для духовного роста наших слушателей.

— Ваша мысль абсолютно ясна, когда речь идет о советских композиторах или о таких зарубежных композиторах XX века, как, например, венгр Бела Барток, с его страстным гражданским осуждением фашизма в музыке. А если говорить о Густаве Малере, крупнейшем симфонисте конца XIX века, то в чем его современность? Один из абонементов этого года называется «Малер и Чайковский». В его рамках вы планируете исполнение всех симфоний Малера. Сам по себе этот факт — беспре-

108